

в свободном выборе службы, как констатирует автор, является только одной стороной медали, ибо оно, по сути, было в интересах московских государей, которые выигрывали от приезда в пределы их властвования служилого люда, ушедшего от более слабых удельных князей. Если в резюме своего раздела Стефанович признает существование клятвы верности и право отъезда как составной части княжеско-дружинных отношений в домонгольской Руси лишь условно, то это следует понимать, пожалуй, только в том смысле, что он отрицает не сами по себе явления, покоящиеся на обычном праве, а лишь их правовое оформление, отлитое в определенные внешне ритуальные формы.

Раздел, написанный *В. А. Кучкиным* («Десятские и сотские Древней Руси, с. 270—428»), порывает со старым представлением о том, что десятские и сотские были выборными должностными лицами свободной общины. В итоге анализа источников, проделанного автором, со всей убедительностью следует, что десятские и сотские были княжьими с л у ж и л ы м и л ю д ь м и, обеспеченными определенными обязанностями, компетенциями и привилегиями, и поэтому не годятся в качестве доказательства распространности крестьянской общины в Древней Руси. «Для преобладающего в нашей исторической науке представления о том, что в раннем и развитом Средневековье на Руси имела огромное значение крестьянская община, нужны другие факты и другие доказательства».

И этот раздел демонстрирует именно то, на что способен для достижения познавательных результатов тщательный анализ источников. В целом, тем не менее, невозможно отмахнуться от трезвого представления о том, что за «святыми», донесенными до нас фактами стоит намного более сложная историческая реальность, которая только отчасти обнажается ими, отчего продолжает оставаться место для гипотез и абстрактных концепций, — хотя последние, понятное дело, лишь весьма относительно соответствуют научному вкусу авторов, участвующих в написании представленной книги. Между тем у рецензента не вызывает сомнения то, что очерки, собранные в ней, дадут важный импульс дальнейшему исследованию Средневековой Руси.

А. С. Козлов

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Heather, P. The Fall of the Roman Empire / Peter Heather. — London : Pan Books, 2006. — P.XVI, 572 p.

Имя Питера Хизера хорошо известно специалистам, занимающимся историей поздней Античности и первых веков европейского Средневековья. Основной объект его штудий — взаимоотношения между Римской империей и

варварами, преимущественно на материале IV–VI вв. Рецензируемую монографию можно считать квинтэссенцией концептуальной мысли ученого и наиболее представительным компендиумом фактологической, содержательной части его изысканий, ибо именно здесь мы видим не только максимальный объем репрезентативных реалий по избранной теме, но и перманентное их комментирование, истолкование.

В качестве цели своего исследования автор ставит обращение «к «одной из величайших загадок истории — к смерти римской Европы» (р. XII), а основную свою конкретную задачу понимает как реконструкцию истории такой «гигантской революции», как падение Западной Римской империи (р. XIV). Необходимость подобной реконструкции обусловлена, по его мнению, тем, что нынешнее состояние науки есть вызов «неявно выраженным предрассудкам, составляющим суть *the “great narrative” of traditional history*» (р. XIII). Традиционные же подходы к теме *the fall of the Roman Empire* пронизаны узкотемьем, вниманием к деталям, использованием методов литературной критики при анализе документов. Хизер предлагает *the general overview of Roman collapse* — с детальной реинтерпретацией отдельных аспектов темы и при очень осторожном применении постмодернистской литературной критики идейного смысла используемых источников.

Главный результат такого изменения в методике исследования — отказ от концепции неизбежности упадка Римской империи и неотвратимости ее гибели. Хизер с самого начала раскрывает свои карты — внутренние изменения не были причиной падения Рима. Корни трагедии античного мира — в ином (р. 14). Другое дело, что основные изменения в империи Хизер видит в трансляции римских городских и сельских структур за пределы Италии и усвоении провинциалами римских ценностей (р. 37, 44). Полагаю, что это хотя и важный процесс, но лишь одна из сторон более глубоких явлений. В финальных наблюдениях своей книги Хизер признает, что романизация не была навязываемая сверху, а представляла из себя комплекс ответов местных элит в качестве приспособления к условиям римского господства. Когда Хизер тут же пишет о постепенном угасании в провинциальных куриях III в. римских традиционных форм жизни и о переходе власти в городских общинах от курий к бюрократам (р. 440–441), он сам, по сути, говорит о социальной стороне подрыва позиций декурионов — куриалов, наиболее массовой части социальной опоры государства, сформировавшейся в сословие к концу II в. Аналогичный пример можно видеть и в утверждении (с которым следует согласиться), что политический актив поздней империи составлял менее 5 % населения, это *landowners* — элита, в интересах которой империя действует, в то время, как большинство свободного населения — земледельцы, исключенные из политической жизни (р. 132–134). Таким образом, сам того не желая, Хизер показывает, что социальная опора в поздней Римской империи была невелика. Конечно, это не исключало очень высокой степени государственной организации имущих групп ее граждан. Хизер подчеркивает, что города, управляющие зависимой сельской округой, являлись административной опорой империи, и к IV в. территория государства — это мозаика территорий городов, управляемых куриями (р. 34–35).

Мало того, местное самоуправление считалось важнейшим средством формирования цивилизованного человека (р. 38). Полагаю, исследователь совершенно справедливо подчеркивает техническую невозможность частого вмешательства центра в местные дела и проявление такого вмешательства в основном в случае инициативы самих местных жителей или фракций. В этом случае верно и то, что до тех пор, пока центр был удовлетворен состоянием дел на местах, общины могли функционировать вполне автономно (р.108).

Совершенным диссонансом к такого рода вполне адекватным наблюдениям является хлесткое сравнение Хизером позднеантичной Римской империи с однопартийным государством Новейшего времени, в частности с СССР (р. 131—132, 370). Аргументация в пользу такого сравнения слабая: некое «идеологическое единство», показушная лояльность подданных и декларируемая верхами монолитность рядов (в пример берутся аккламации сенаторов при процедуре принятия Кодекса Феодосия). Каждый из этих примеров крайне поверхностен, тем более что сам Хизер то и дело пишет о сосуществовании языческих культов и христианства, о временах прорывающемся наружу протесте «крестьянства» и горожан, о жестокой борьбе внутри элит (что являлось ценой интеграции) вплоть до гражданских войн (особенно в IV в.) и узурпаций (на которые стал богат период с последней четверти IV—V в.

В чем английский исследователь, однако, прав, так это в том, что упомянутая процедура декларирования единства правящей элиты производит впечатление «ошеломляющего могущества» (р. 128). Верно подчеркнуто Хизером и специфическое значение оппозиции «римляне — варвары» в общественном сознании империи, когда варвары выполняли роль «рокового другого», а римское общество, постулируемое как наилучшая организация людей, не просто идейно легитимизировало превосходство мощи своей державы, но и доводило это представление до тезиса о необходимости неукоснительного уничтожения варваров (показателен в этом плане пример такого оратора, как Фемистий) (р. 67, 69, 71). Но вот когда, оценивая имперскую мощь реально, Хизер говорит об *an historical phenomenon of extraordinary power* (р. 141), то оснований для этого (в виде необычайной протяженности империи и восприятии провинциалами «римского духа») явно маловато. Монография содержит очень важную для понимания темы главу «The Limits of Empire» (р. 100—142). Это название я перевел бы как «Ограничители в функционировании империи». В ней автор, кроме всего прочего, убедительно раскрывает слабость средств коммуникации и неэффективность бюрократии, вынуждавшие использовать самоуправление местных общин для контроля над территориями. Соответственно постепенное подпадание определенных территорий под контроль варваров рассматривается исследователем как медленные, но реальные шаги к падению империи. «Западная Римская империя погибла из-за того, что на ее землях обосновалось слишком много варварских объединений, которые расширяли свои владения вооруженным путем» (р. 436). Значит, вопрос не в том, что варвары закреплялись в империи, а в переходе их количества в качество. Большая часть объема монографии Хизера посвящена раскрытию именно этого вопроса.

Логика его наблюдений весьма основательна и последовательна. Утрата империей ее территорий рассматривается как реализация последствий трех основных явлений. Первое явление составляют два кризиса, порожденные варварскими вторжениями 376–378 гг. и 405–408 гг. и вызванные геополитической революцией — началом формирования гуннской опасности для Центральной и Восточной Европы, что привело в движение другие, преимущественно германские, группы варваров, 35 лет непрерывно нападавших на римские границы. Второе явление — политические последствия этих вторжений, составившие разнообразные кризисы вплоть до 476 г. На этой фазе кризисов шла постепенная, но реальная утрата Западной империей контроля над территориями, а это, во-первых, сокращало доходы администрации и било по финансированию вооруженных сил, а во-вторых, заставляло землевладельцев (*Landowners*) искать поддержку у варварских королей. Отсюда — возможность складывания полной независимости от империи для вестготского и бургундского королевств как наиболее показательных. Третье явление, по Хизеру, составляет парадоксальная роль гуннов в этих событиях: Аттила никогда не угрожал отчуждением обширных римских территорий, зато его держава время от времени даже оказывала Западной империи военную помощь (правда, за хорошую плату) и, главное, связывала в своей структуре множество потенциально опасных варварских объединений [см. об этом в наиболее концентрированном виде: Heather, 1995, p. 12–38]. Поэтому распад державы гуннов высвободил массу племенных союзов, создавших то самое новое качество опасности, которое империя выдержать уже не смогла (p. 433–435).

Несложно заметить, что такого рода концептуальное построение выводит на первое место среди причин, погубивших Западную империю, внешний, варварский фактор. Хизер этого не скрывает, а, наоборот, всячески подчеркивает (p. 14, 445). Последний раздел его книги, выражающий содержание указанной мысли в концентрированном виде, носит знаковое название — «Exogenous Shock». Конечно, в исследовании не отрицается наличие внутренних предпосылок падения Рима (предпосылок экономических, политических, военных). Но, по мысли Хизера, все эти факторы не были «достаточно веской причиной краха империи» (p. 449).

Естественно, возникает вопрос, почему же у империи не хватило сил в IV–V вв. для отпора натиску варваров, если их хватало для масштабных завоеваний в предыдущие века. Ведь, по Хизеру, экономика Римской державы в IV в. процветала, земледельцы, хотя и были обременены налогами, вполне выдерживали этот гнет, а стремление куриалов в массовом порядке покинуть городские советы — во многом миф «традиционной» историографии (p. 111–113, 186, 444).

Английский исследователь дает объяснение на поставленный вопрос, исходя из принципа многофакторности детерминанты исторического развития. Одна из основных составляющих нарастающего кризисного состояния поздеантичного общества — неспособность вышеупомянутых *the limits of empire* адекватно ответить на возрастающие нагрузки, ложившиеся на общество и вооруженные силы. Например, один лишь персидский фактор заставлял даже в мирное время

держат на восточных границах в начале IV в. 40 % восточноримской армии (р. 386–388, 447). Гуннская опасность, нависшая над Европой, усугубила ситуацию и в том плане, что гуннам удалось создать сверхдержаву, по мощи напоминающую персидскую (р. 333). Между тем уже кризисы 376–378 гг. и 405–408 гг. легли тяжким прессом на римскую военную машину. В ходе тяжелейшей борьбы Флавия Констанция по восстановлению власти империи в Северной Италии, Галлии и Испании государство понесло такой ущерб, что налоги в ряде провинций Италии пришлось сократить в пять раз, а для плодородной Кампании (в 418 г.) — до 1/9 прежнего уровня. Британия вообще вышла из имперской системы. Сравнение списков войск по «Notitia Dignitatum» позволяет Хизеру утверждать, что за 25 лет этих войн на Западе было уничтожено 47 % личного состава армий, а рейнская армия утратила 64 % своего состава. Потерпевшие наибольшие потери галльские войска пополнялись не новыми наборами, а гарнизонами крепостей и старыми резервами, составляя в конечном счете лишь 75 % прежней силы (р. 246, 247–248). Отсюда ряд жестких политических последствий, одно из которых, чуть ли не наиболее тяжкое, — это завоевание вандалами и аланами значительной части римской Африки. Утрата Африки, покрывавшей 2/3 потребностей Италии в хлебе и являвшейся источником крупных налоговых поступлений, означала для Западной империи финансовую катастрофу (р. 273, 275, 296). Подобных реалий Хизер приводит на страницах своей книги более чем достаточно.

Действительно, можно согласиться с тем, что империя не могла выставить больше солдат, нежели позволяли ее социально-экономические возможности (тем более, что быстрого роста производства не было (р. 447), диссонанс к картине «процветания», о котором говорилось выше), то уместно вспомнить, что доходы также лимитировались возможностями управленцев-чиновников и степенью готовности землевладельцев платить повышенные налоги (поскольку основное богатство у *landowners* заключалось в земле, эта прослойка была весьма уязвима для резких политических перемен) (р. 447–448). С учетом такого наблюдения вполне логичен вывод о том, что варвары сокрушили империю не благодаря своей многочисленности, а благодаря наложению их разрушительной деятельности на пороки, присущие римской системе в военной, экономической и политической сферах (р. 446).

Еще один фактор деструктуризации империи — позиция ее опоры, крупных землевладельцев, которые в условиях постепенной утраты Римом своих провинций переориентировались на варварских королей (р. 140, 418–419, 422, 438). Хизер мастерски изобразил эволюцию интересов этой своекорыстной римской элиты через те стороны поэтического и ораторского творчества ее представителей (Рутилий Намациан, Флавий Меробауд, Аполлинарий Сидоний), которые касались оценок, даваемых варварам и политике их правителей. Читатель без труда может выстроить эти оценки в логическую цепочку. Если вера Намациана в римские идеалы после событий 410 г. еще покоится на стремлении восстановить разрушенное варварами, то ему своеобразно вторит анонимный автор поэмы «Carmen de Providentia Dei»: варвары сотворили самое худшее, но на следующем раунде испытаний империю ждет триумф (р. 233—

235). С другой стороны, гипертрофированное преподнесение Меробаудом успехов Аэция на пространствах Скифии, Северного Подунавья и на востоке Германии уже переполнено фальшивым оптимизмом: оно маскировало официальную передачу империей под контроль гуннов Посавской Паннонии (р. 286—287). Творчество Сидония — финальное и самое драматичное звено в этой цепи. Великий позднегалльский интеллектуал в обстановке, когда исчезала аудитория, к которой он привык обращаться, эволюционирует от комплиментарных строк в адрес Теодориха II (крайне полезного для римлян) и в адрес Авита (делавшего все, чтобы поставить потенциал вестготов на службу империи) до похвал Сиagriю (за то, что он сумел стать частью постримского мира) (р. 376, 381, 384, 420).

Заслугой Хизера также является анализ развития организационных форм, которые принимали объединения варваров на разных этапах контактов с римским миром. В частности, я полагаю, что в экскурсе о «клиентских королевствах» один из наиболее важных тезисов заключается в констатации крайнего многообразия договорных вариаций, оформлявших включение различных варварских групп в орбиту влияния римского мира (р. 82—83). Что же касается самого первого и наиболее известного мирного контакта крупных масс варваров с империей — событий 376 г., оформленных соответствующим договором, то здесь я отметил бы в наблюдениях Хизера три важных момента. Во-первых, английский исследователь полагает (и основания для этого у него есть), что договор был заключен не с некими вестготами (они сформировались как этнополитическая общность чуть позднее, уже на территории империи), а только с тервингами; именно они и переправились через Дунай (р. 162)¹. Во-вторых, Хизер считает, что если ранее прием масс варваров в империю проходил под военным контролем, то в этот раз такого контроля скорее всего не было (об этом говорит запоздалость и неэффективность реакции Лупицина, уполномоченного императора, на неблагоприятный поворот событий (р. 161). В-третьих, и это, думаю, главное: готы расселились там, где захотели (во Фракии, договор это санкционировал), полностью контролируя территорию, и их восстание, кроме всего прочего, стало попыткой пересмотреть договор 376 г., создать условия для заключения нового, более благоприятного для варваров соглашения (р. 162). Такая стратегия обернулась принципом домино: позже Алариху пришлось бороться за пересмотр договора 382 г. [см. об этом договоре подробнее: Wolfram, S. 156—157]. Другое дело, что трудно согласиться с тезисом об изначальном намерении варваров создать на территории империи независимое королевство (р. 190). Данных для такого утверждения у нас нет ни применительно к событиям 376—378 гг. на Балканах, ни применительно к практике первых шагов создания вестготского и бургундского королевств на территориях Галлии. Когда Хизер пишет о расселении варваров в Аквитании, а потом в Испании, он отмечает, что механизм и суть этого процесса походили

¹ В рецензируемой монографии явно упрощенным выглядит обращение с такими сложнейшими этнонимами, как «тервинги» и «гревтуинги», чье присутствие в историческом контексте империи неоднократно зафиксировано еще в III в. [ср.: Буданова, с. 100, 207, 370].

на расселение готов Фритигерна, например, в Македонии: каждая группировка готов, беря под контроль определенную территорию, прежде всего присваивала налоги, ранее шедшие в римскую казну (р. 208, 513, п. 40). Примечательно наблюдение относительно схожести договора Феодосия I с готами и условий поселения вестготов в Акватании. На основании отсутствия жалоб местных землевладельцев на эту процедуру Хизер предполагает, что варвары получили земли, принадлежащие империи и здешним городским общинам; при этом, вероятно, во многих случаях крестьяне оставались на месте, а землевладельцев заменяли готы, взимавшие с этих крестьян налоги (р. 242). Такого рода суждения отчасти совпадают с моими, высказанными по поводу расселения готов на севере Балкан в последней четверти IV в. [см.: Козлов, с. 114—121]. Наиболее выразительными выглядят обстоятельства превращения вандалов и алан в эксплуататоров земледельцев и горожан бывшей проконсульской Африки. Хизер, очевидно, прав, когда предполагает, что пришельцы-варвары стремились стать полноценными хозяевами земли, но вряд ли собирались заниматься хозяйством сами, используя для этого крестьян-арендаторов и другие категории трудящихся (р. 294). Думаю, по схожему пути шли также готы Валамира, а затем Теодориха Амала, когда после развала державы Аттилы часть готов искала возможности жить за счет балканских провинций Византии (р. 359, 368). Кстати, последнюю тенденцию Хизер подробнее раскрывает в другой своей книге [Heather, 1996, р. 153—161].

Что касается суждений, высказанных в монографии по поводу переделов земельной собственности в формирующихся варварских королевствах, то они в целом не выходят за пределы гипотез и доказательств, уже существующих в сегодняшней научной литературе. Скажу только, что наиболее репрезентативен у Хизера сюжет, связанный с бургундским материалом.

В заключение следует отметить вполне уместную пафосность Хизера в выводах относительно обратной реакции этнических и социальных общностей на агрессивность, которую всегда проявлял *Roman imperialism* (р. 459). Пафос этот не отличается новизной, но вполне корреспондирует с основным концептуальным настроем книги.

Работе Хизера не просто присущ взгляд, согласно которому декларированный на первых ее страницах постулат относительно новых подходов к изучению падения Рима предпочтительнее. Автор по мере возможности показывает, что даже в рамках такой методики неокончательный характер выводов есть результат убеждения, что в будущем будут найдены еще более лучшие, опять-таки адекватные еще более совершенной аналитике нарратива ответы на проблемы исчезновения одной из самых известных мировых цивилизаций.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Козлов А. С. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. // Античная древность и Средние века. Сб. 9. Свердловск, 1973.

Heather P. The Goths. Oxford, 1996.

Heather P. J. The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // English Historical Review. 1995. Vol. 110.

Wolfram H. Geschichte der Goten von der Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts : Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979.

Ю. В. Матвеева

КЛАССИКА ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

Рец. на кн.: *Рабинович, В. С. Наедине с собою и людьми : Литература в жизни и жизнь в литературе / В. С. Рабинович. — Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2012. — 448 с.*

Открывая современный литературоведческий труд, ждешь чего угодно, только не простой читательской радости. Основательности, интеллектуальной полетности, новых материалов, терминологической эквилибристики, но уж никак не той поразительной гармонической легкости, которая заставляет напрочь забыть о методиках и методологиях, а велит помнить лишь об одном — «о времени и о себе», да еще о книгах, это самое время и мышление о нем формирующих, направляющих, отражающих. Такова книга Валерия Самуиловича Рабиновича «Наедине с собою и людьми», вышедшая в издательстве Уральского литературного агентства.

Структура книги предопределена научными интересами и преподавательской практикой ее автора — специалиста по истории зарубежной литературы. Все начинается, как и положено, античными мифами, затем — средневековые эпосы, титаны Возрождения, классицизм, Просвещение, эпоха романтизма, реализм, в конце — немецкие антифашисты и экзистенциалисты. Однако перечислить эти необходимые в книге, как и в самом историко-литературном движении ступени — значит ничего о ней, этой книге, не сказать. Перед нами не учебник, не учебное пособие, не научная монография в строгом понимании слова. Здесь нет многочисленных примечаний и ссылок, нет так называемого «научного контекста», стократно интерпретированной «истории вопроса». Вообще трудно в данном случае как-то назвать жанр, определить форму выражения авторской мысли. Скорее всего это эссе, или редкий по нынешним временам жанр занимательного литературоведения в духе Ст. Рассадина, Б. Сарнова, Е. Доби́на, возможно, даже артистическое обыгрывание литературы и ее героев (писателей и персонажей) в духе Абрама Терца.

И все-таки при максимально дозволенной автору-эссеисту свободе в книге В. С. Рабиновича всюду чувствуется и подлинная эрудиция филолога, и четкость мышления профессионального лектора. Книге свойственна теплая, добрая, разговорная, часто ироничная интонация, в ней масса шуток и анекдотов, присказок и поговорок, множество жизненных и внутрилитературных аналогий, экскурсов в историю и психологию. В то же время сквозь весь этот легкий разговорный строй выделены (да так, что не пропустишь!) основные